
Дмитрий Русов / Nexxe
Там, где свет становится тишиной
История Дмитрия Русова и Ксюши Русовой

Дмитрий Русов

Там, где свет становится тишиной. Том 2

https://litres.ru/74282022
SelfPub; 2026

Аннотация

Любовь Дмитрия и Ксюши уже не нуждается в громких клятвах. Теперь ей предстоит пройти испытание повседневной жизнью: работой, семейными обязательствами, первыми выступлениями Ксюши, чужими ожиданиями и воспоминаниями, о которых непросто говорить даже самому близкому человеку.

Ксюша учится выходить к публике, сохраняя собственный голос. Дмитрий — быть рядом, не принимая решений вместо неё. Слова, выбранное время, смысловые дары, помощь, прикосновения — пять языков любви постепенно обретают для них новое значение. А однажды пять огней старинной лампады помогают увидеть шестой язык — Тишину, в которой не нужно угадывать мысли друг друга: достаточно доверять, говорить прямо и уметь слышать.

«Там, где свет становится тишиной» — второй том романтической серии «Шесть языков любви». Камерный роман о зрелой близости, творчестве, памяти и Мире Пары, который двое создают вместе — день за днём.

Содержание

Пролог. За стеклом	4
Глава 1. Маленькие просьбы	15
Глава 2. Не моя история	30
Глава 3. Не о тебе	44
Глава 4. Вера	57
Глава 5. Наше воскресенье	75
Глава 6. День без результата	92
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Дмитрий Русов
Там, где свет становится тишиной. Том 2

Пролог. За стеклом

Стекло не делило их надвое.

Оно лишь показывало разницу между двумя видами тишины.

В аппаратной тишина была рабочей: негромко шумел компьютер, вспыхивали индикаторы, по экрану двигался курсор. В вокальной кабине она была плотнее. Там каждый вдох становился частью записи, каждое движение одежды могло попасть в микрофон, а пауза перед первой строкой уже принадлежала музыке.

Ксюша стояла за стеклом в больших закрытых наушниках. Волосы она собрала, чтобы пряди не касались чашек и не мешали слышать. Перед ней находились микрофон, стойка с текстом и небольшая бутылка воды. Ничего лишнего.

Дмитрий сидел у края рабочего стола. Рядом со звукорежиссёром, но не вместо него. Он видел на экране дорожку Ксюшиного голоса и одновременно смотрел на неё саму.

Она не выглядела испуганной.

Собранной — да.

Чуть более тихой, чем дома, — тоже.

Однако это была тишина человека, который знает, зачем вошёл в кабину.

— Дадим четыре такта перед куплетом, — сказал звукорежиссёр, включая связь. — Начинай с той же громкости. В конце не снимай наушники, я скажу.

Ксюша кивнула.

Короткий отсчёт прошёл по экрану. За ним возникла музыка — сначала приглушённая, затем набравшая объём. Ксюша дождалась своей доли и вступила.

Первый куплет она спела ровно, без попытки сразу показать весь голос. В припеве раскрылась сильнее. На переходе перед последней частью чуть отступила от микрофона, потом снова приблизилась.

Дмитрий следил не только за точностью.

Он слушал, кому она поёт.

Ещё недавно в её голосе иногда оставалось домашнее направление: будто перед ней был один человек, сидевший в нескольких шагах, и песня могла не выходить дальше комнаты. Сейчас интонация стала шире, но не обезличилась. Ксюша не превращала признание в обращение к условному залу. Она просто позволяла услышать его тем, кого не знала.

На последней строке голос едва заметно дрогнул.

Дубль закончился.

Несколько секунд Ксюша стояла неподвижно. Потом под-

няла руку.

— Последнюю ещё раз.

Звукорежиссёр посмотрел на дорожку.

— По высоте всё точно.

— Я не про высоту. Я раньше закрыла слово.

Он включил конец дубля. Последняя фраза прозвучала отдельно от песни.

Ксюша выслушала и покачала головой.

— Слышишь? Я как будто уже решила за неё.

— За кого? — спросил звукорежиссёр.

— За героиню.

Он повернулся к Дмитрию.

— Ты слышишь?

— Слышу, что она просит ещё раз.

Ксюша посмотрела на него через стекло. Взгляд у неё стал строже.

— Очень содержательно.

— Зато точно, — ответил Дмитрий.

Звукорежиссёр усмехнулся и вернул курсор к началу строки.

— Хорошо. Один фрагмент. Предыдущий дубль не удаляем.

Ксюша поправила наушники.

На этот раз перед последним словом она оставила едва заметное пространство. Не музыкальную остановку, которую можно было измерить долями, а внутренний зазор. Сло-

во прозвучало позже и свободнее. Теперь оно не закрывало судьбу героини, а только называло то, что она чувствовала в эту минуту.

— Есть, — сказала Ксюша сразу после дубля.

Звукорежиссёр не стал спорить. Перенёс новый фрагмент на соседнюю дорожку и включил оба варианта подряд.

В первом различие услышал бы не каждый.

Во втором песня стала точнее.

— Новый, — сказал Дмитрий.

Ксюша сняла одну чашку наушников.

— Я знаю.

Она произнесла это без торжества. Решение уже было принято внутри кабины, до его подтверждения.

Так и должно было быть.

Дмитрий мог услышать то, чего не замечали другие. Мог предложить дыхание, убрать лишний слой, изменить пространство вокруг голоса. Но интонация Ксюши больше не нуждалась в разрешении существовать. Она сама отвечала за то, что хотела сказать.

Запись продолжалась ещё около часа.

Они сделали два полных дубля, несколько коротких вставок и отдельный вокальный слой для припева. Между попытками Ксюша выходила из кабины, пила воду, делала пометки в тексте. Дмитрий однажды предложил изменить ударение внутри фразы. Она попробовала и вернулась к своему варианту.

— Почему? — спросил он.

— Твоё красивее ложится в ритм.

— А твоё?

— Моё говорит то, что нужно.

Дмитрий кивнул.

Спорить было не с чем.

Во время следующего перерыва ему позвонили по вопросу другого релиза. Дмитрий вышел в коридор, попросив не ждать его, если понадобится только собрать вокал.

Звукорежиссёр открыл на экране три дорожки.

— Начало берём из полного дубля. В середине есть два варианта. Здесь чище, здесь сильнее интонация.

Он включил первый фрагмент, потом второй.

Ксюша пересела ближе к монитору.

— Ещё раз без музыки.

В сухом голосе стали слышны детали, скрытые аранжировкой: слишком быстрый вдох, мягкое касание согласной, короткое напряжение перед высокой нотой.

— Второй, — сказала она.

— Там дыхание громче.

— Оставь.

— Дмитрий обычно просит чистить.

— Тогда он скажет после. Сейчас выбираю второй.

Звукорежиссёр перенёс фрагмент в рабочую дорожку. На следующей строке Ксюша остановила его раньше.

— Здесь первый.

— Даже слушать второй не будем?

— Будем, чтобы проверить.

Они прослушали. Решение не изменилось.

Когда Дмитрий вернулся, собранная версия уже лежала на основной дорожке. Он надел свободные наушники и попросил начать с места склейки.

— Дыхание оставили? — спросил он.

— Я оставила, — ответила Ксюша.

— Почему?

— Если убрать, вход станет легче, чем сама фраза.

Дмитрий прослушал ещё раз.

— Согласен.

— А если бы не согласился?

— Показал бы другой вариант.

— А выбрал бы кто?

Он посмотрел на неё.

— Ты.

Звукорежиссёр сохранил проект.

— Тогда в названии файла уже можно не писать «на согласование Дмитрию»?

— Можно никогда так не писать, — сказала Ксюша.

Он переименовал дорожку, оставив только дату, номер версии и её имя.

Изменение занимало несколько секунд и почти ничего не значило для звука. Зато в рабочем порядке исчезло предположение, что голос Ксюши становится окончательным толь-

ко после решения другого человека.

Ближе к вечеру они прослушали собранную версию целиком. Ксюша сидела рядом с Дмитрием, но смотрела на экран, а не на него. В конце звукорежиссёр поставил воспроизведение на паузу.

— По вокалу всё. Я завтра проверю склейки на свежую голову.

— Последнее слово оставь из короткого дубля, — сказала Ксюша.

— Уже поставил.

Она перечитала свои пометки и закрыла текст.

В аппаратную заглянула Марина. Во время записи она несколько раз выходила отвечать на сообщения и теперь держала ноутбук под мышкой.

— Не помешаю?

— Мы закончили, — ответила Ксюша.

Марина подошла к столу.

— Тогда у меня вопрос. Сегодня написал организатор камерных вечеров из культурного центра. Он слышал две записи с Ксюшиным голосом. Спрашивает, можно ли передать ему её контакт.

Она смотрела на Ксюшу.

Не на Дмитрия.

Ксюша не ответила сразу.

— Что за вечера?

— Небольшой зал. Сборная программа, обычно по одно-

му-два номера от участника. Не конкурс и не большой концерт. Они ищут новые голоса для следующего месяца.

— Он предлагает выступить?

— Пока только хочет связаться и обсудить.

Ксюша повернулась к Дмитрию.

Он молчал.

Не из безразличия. Просто вопрос был задан не ему.

— Передавай, — сказала Ксюша.

— Хорошо. Я сначала напишу, что ты разрешила.

Марина сделала пометку в телефоне.

— Если он свяжется, не обязательно отвечать сразу. Сначала узнайте программу и условия.

— Узнаю, — ответила Ксюша.

— Как тебя представить? — спросила Марина. — Просто дать номер или написать рабочее имя?

Ксюша задумалась.

— Напиши: Kseniya Rusova. И дай почту, не телефон.

— Дмитрия поставить в копию?

— Пока нет.

Ответ прозвучал быстрее, чем она ожидала от себя.

— Если появятся технические вопросы, я перешлю их сама, — добавила Ксюша.

Марина посмотрела на Дмитрия, проверяя не разрешение, а отсутствие организационного противоречия.

— Так нормально?

— Это её контакт, — сказал он.

— Хорошо. Тогда письмо уйдёт напрямую.

Ксюша записала в телефоне три пункта: формат вечера, количество песен, звук. Список получился коротким, но уже отделял само приглашение от красивой мысли о сцене. Передать контакт означало разрешить разговор, а не согласиться на всё, что последует.

Марина попрощалась и ушла.

Звукорежиссёр начал закрывать проект. Дмитрий собрал распечатанные листы, проверил, что рабочие файлы сохранены в двух местах, и убрал накопитель в чехол.

Ксюша вышла в небольшую комнату рядом с аппаратной, надела куртку и распустила волосы. Когда она вернулась, Дмитрий уже стоял у двери.

— Ты ничего не скажешь? — спросила она.

— О чём?

— О культурном центре.

— Ты разрешила передать контакт.

— Разрешила.

— Значит, теперь нужно дождаться, что именно предложат.

Ксюша посмотрела на него внимательнее.

— И всё?

— А ты ждала речи?

— Не знаю.

— Могу подготовить.

Она улыбнулась.

— Не надо.

Они вышли из студии.

В коридоре было светлее, чем в аппаратной. Обычный верхний свет, белые стены, несколько закрытых дверей. За одной кто-то репетировал гитарный фрагмент. За другой разговаривали сразу несколько человек.

Дмитрий нажал кнопку лифта.

Ксюша встала рядом.

— Дим.

— М?

— Ты хотел бы, чтобы я выступила?

Он повернулся к ней.

— Я хотел бы, чтобы ты сама поняла, хочешь ли.

— А если хочу?

— Тогда будем готовиться.

— Вместе?

— Настолько, насколько ты попросишь.

Двери лифта открылись.

Они вошли. В зеркальной металлической стене отражались не лица целиком, а отдельные фрагменты: его плечо, её волосы, тёмный чехол с накопителем в его руке.

— Очень дипломатично, — сказала Ксюша.

— Очень точно.

— Посмотрим.

Лифт поехал вниз.

В телефоне Ксюши ещё не было сообщения от организа-

тора. Не существовало ни даты, ни сцены, ни программы, ни ответа, который нужно было дать.

Была только дверь, пока ещё закрытая.

И впервые ключ от неё находился не у Дмитрия.

Глава 1. Маленькие просьбы

Дома их ждали три письма, два файла и список, который Дмитрий утром назвал коротким.

Ксюша открыла его на экране и пересчитала пункты.

— Одиннадцать.

— Утром было девять.

— Это многое объясняет.

После студии хотелось снять обувь, собрать волосы выше и какое-то время ничего не решать. Однако Марине к десяти утра требовались фотография, окончательный текст о песне и фрагмент записи для короткого анонса. Готовый мастер они привезли с собой. Всё остальное лежало в домашнем кабинете: в папках, заметках, письмах, нескольких вариантах одного абзаца.

Эта комната служила им для подготовки. Здесь Дмитрий писал, разбирал аранжировки, собирал материалы к релизам и работал с текстами. Записать чистовой вокал в ней было нельзя, да и задачи такой не стояло. Профессиональная студия оставалась отдельным местом — со своим воздухом, аппаратурой и людьми. Домой они привозили уже сделанное и здесь решали, как оно выйдет к слушателю.

Дмитрий включил компьютер.

— Сначала анонс?

— Сначала ты послушаешь один фрагмент.

— Какой?

Ксюша нашла в папке короткий файл, записанный ещё до сегодняшнего дубля.

— Отсюда, с двадцать шестой секунды. Только послушай. Не исправляй, пока я отдельно не попрошу.

Дмитрий убрал руку с мыши.

— Почему такое уточнение?

— Потому что ты иногда открываешь редактор раньше, чем человек заканчивает фразу.

— Справедливо.

Он надел наушники. Ксюша запустила отрывок и встала рядом, глядя на движение звуковой волны. В записи её голос звучал чуть суше, чем в студийной версии. На последнем слове возникал тихий призвук — возможно, дыхание, возможно, касание одежды.

Дмитрий дослушал до конца и снял наушники.

— Всё?

— Пока да.

— Тогда я услышал.

— И?

— Ты просила послушать.

Ксюша прищурилась.

— Теперь прошу сказать.

— Призвук есть. Я бы оставил. Он живой и не мешает.

— Мне тоже так кажется. А исправлять ты бы стал?

— Если бы попросила, показал бы два варианта. Решила

бы ты.

Она закрыла файл, прежде чем он успел протянуть руку к клавиатуре.

— Вот теперь можно идти дальше.

Дмитрий посмотрел на неё без обиды. Граница была названа ясно, поэтому в ней не слышалось ни упрёка, ни проверки. Только условие участия.

Они занялись текстом анонса. Первая версия выглядела слишком официальной, вторая объясняла песню вместо того, чтобы дать её услышать. Ксюша убрала три прилагательных, Дмитрий сократил начало. Потом они оба замолчали над последними двумя строками.

— Прочитай их вслух, — попросил он.

— Сейчас?

— Один фрагмент. Пять минут, если придётся править.

Ксюша взглянула на часы.

— Хорошо. Но после этого сделаем перерыв.

— Договорились.

Она прочитала. На экране текст казался собранным, но в голосе сразу обнаружилась лишняя торжественность.

— Ещё раз, — сказал Дмитрий.

— Это уже второй.

— Четыре минуты двадцать секунд.

Ксюша прочитала медленнее и остановилась перед концом.

— Здесь проблема не в ритме. Мы обещаем человеку, что

он почувствует.

— «Песня, которая вернёт вам…»

— Да. Откуда мы знаем, что она ему вернёт?

Дмитрий удалил половину предложения. Осталось простое: «Песня о том, что сохраняется между двумя голосами».

— Теперь?

Ксюша произнесла строку ещё раз.

— Теперь мы говорим за себя.

Он сохранил документ.

— Три минуты.

— Остальные две можешь оставить себе.

Она вышла из кабинета, распустила волосы и прошла на кухню. В холодильнике нашёлся готовый ужин — оставалось только разогреть. Ксюша поставила одну тарелку на стол и потянулась за второй на верхнюю полку. Пальцы едва коснулись её края.

Дмитрий вошёл с телефоном в руке.

— Достать?

— Да, пожалуйста.

Он снял тарелку и подал ей. Ксюша приняла её без привычного объяснения, что могла бы справиться сама.

— Марина ответила, — сказал он. — Текст подходит. Просит ещё фотографию в горизонтальном формате.

— Сегодня?

— Желательно.

Ксюша поставила еду разогреваться.

— Выбери три, пожалуйста. Я посмотрю после ужина.

Дмитрий открыл папку в телефоне.

— Сейчас выберу.

— Нет. После ужина.

— Почему?

— Потому что ты тоже только приехал. И потому что, если начнёшь сейчас, через десять минут у нас на столе будет не еда, а двадцать семь фотографий.

— Три.

— Сначала двадцать семь. Потом девять. Потом ты найдёшь старую съёмку и скажешь, что там лучше композиция.

— Там действительно лучше композиция.

— После ужина, Дим.

Он положил телефон экраном вниз.

— Хорошо.

Просьбы редко были красивыми. Они не нуждались в особом тоне и не превращали вечер в доказательство близости. Чаще всего один человек просто сообщал другому, где требуется его присутствие и сколько места оно займёт.

За столом Ксюша вспомнила про письмо организатора.

— Мне нужно, чтобы ты сегодня посмотрел их страницу.

Дмитрий поднял на неё глаза.

— Сегодня уже не смогу внимательно.

Ответ прозвучал спокойно, но Ксюша всё равно ощутила короткое внутреннее сопротивление. Она приготовилась сказать, что речь идёт всего о десяти минутах, и вовремя за-

метила: эти десять она уже мысленно взяла из его вечера.

— Когда сможешь?

— Завтра после одиннадцати. До полудня дам тебе мнение.

— Мне хотелось бы ответить им раньше.

— Тогда посмотри сама, а у меня спроси что-нибудь конкретное. На один вопрос, возможно, отвечу сейчас.

Ксюша открыла страницу на телефоне. Фотографии небольшого зала, афиши камерных вечеров, несколько видеозаписей. Ей хотелось, чтобы Дмитрий проверил всё: площадку, людей, качество звука, прошлые программы, само предложение. Слово «посмотри» удобно скрывало целую работу.

— Один вопрос, — повторила она. — Тебя смущает, что они не написали тебе?

— Нет.

— Совсем?

— Они приглашают тебя.

— Мы обычно выступаем вместе.

— Обычно — да. Но письмо пришло тебе.

Она убрала телефон.

— Хорошо. Остальное завтра.

— Если к тому времени будет нужно.

Отказ не испортил вечер. Он оставил задачу нерешённой, и только. Дмитрий не обязан был доказывать теплоту немедленной готовностью, Ксюша — угадывать его предел и мол-

чать. У просьбы появилась граница, у ответа — право быть иным, чем хотелось.

После ужина они вернулись в кабинет. Дмитрий открыл папку с фотографиями и, как предсказывала Ксюша, выделил сначала двадцать четыре.

— Двадцать семь не нашлось? — спросила она.

— Три сразу исключил.

Они сократили выбор до пяти. На двух Ксюша смотрела в объектив, на третьей была повернута к микрофону, ещё на двух они стояли рядом. Для анонса сольного предложения логичнее подходил её портрет, однако выбирать фотографию только по функции ей не хотелось.

— Вот эта, — сказала Ксюша.

— Здесь рука обрезана.

— Зато лицо моё.

— На остальных тоже твоё.

— Там я стараюсь правильно смотреть.

Дмитрий увеличил снимок.

— Тогда этот.

Он перенёс файл в папку отправки.

Телефон снова завибрировал. Марина просила добавить короткую справку о Ксюше — не больше трёхсот пятидесяти знаков.

— У нас есть общий текст, — сказал Дмитрий и открыл папку с прежними материалами.

— Общий — про нас.

— Можно сократить.

— Тогда опять получится, что я существую после слова «совместно».

Он убрал руку с мыши.

— Пиши сама.

Ксюша открыла пустой документ.

Первая строка далась неожиданно трудно. Внутри дома ей не требовалось определять, кто она в музыке. В студии это понимали по работе. Для незнакомого организатора требовалось назвать себя несколькими предложениями, не приписывая опыта, которого пока не было, и не уменьшая уже сделанное.

Она написала:

«Kseniya Rusova — певица, участница авторских музыкальных проектов Nexxe».

Прочитала и поморщилась.

— Что?

— «Участница проектов» звучит так, будто я прихожу на готовое.

— Иногда ты приходишь на готовое.

— А иногда меняешь половину.

— Тогда напиши это точнее.

Ксюша заменила строку:

«Kseniya Rusova — певица. Работает с авторскими песнями и дуэтным материалом, участвует в создании вокальных партий и сценической формы».

— Слишком серьёзно? — спросила она.

— Ты просишь оценить тон или переписать?

— Оценить тон.

— Сдержанно. Без выдумки.

— А «певица» оставляем?

— Ты поёшь.

— Но я не профессиональная певица.

— Там и не написано «профессиональная».

Ксюша добавила одно предложение о песне, которую они выпускали, и остановилась.

— Посчитай знаки, пожалуйста.

Дмитрий включил статистику.

— Двести девяносто восемь.

— Прочитай вслух. Только прочитай.

Он выполнил просьбу дословно. На второй фразе Ксюша услышала тяжёлое повторение слова «авторский» и сама заменила его.

— Теперь?

Дмитрий снова прочитал.

— Теперь отправляем.

— Это уже решение за меня.

— Тогда: теперь текст помещается, читается ровно и не обещает лишнего.

— Так лучше.

Ксюша сохранила справку под своим именем и добавила в пакет. Общий текст остался в папке для других задач; ей не

пришлось уничтожать совместное, чтобы назвать отдельное.

— Подожди. Ты согласился потому, что устал спорить?

— Нет.

— Точно?

— Ксюш, если ответ уже назначен правильным, зачем спрашивать?

Она задержала руку над мышью.

— Я хочу понять, действительно ли ты согласен.

— Я действительно согласен. Обрезанную руку можно учесть кадрированием. Выражение важнее.

Ксюша кивнула.

— Теперь верю.

— А до объяснения?

— Проверяла.

— Это другое действие.

— Чем?

Дмитрий отодвинулся от стола.

— Просьба делает желание видимым. Проверка прячет желание и заранее назначает правильный ответ.

— А приказ?

— Не оставляет ответа вообще.

— Иногда приказ честнее.

— Иногда. Особенно если человек вправе его отдавать.

— А дома?

— Дома мы можем сказать: «Мне сейчас нужен именно такой ответ». Это тоже честно. Но тогда не стоит делать вид,

что спрашиваешь мнение.

Ксюша посмотрела на выбранную фотографию.

— Значит, если я заранее решила, каким должен быть твой ответ, я сообщаю тебе роль в готовой сцене.

— Да.

— И сержусь, если ты перепутал реплику.

— Хотя пьесу тебе не показывали.

Она улыбнулась, затем стала серьёзнее.

— Но ведь участие не всегда должно начинаться после просьбы.

— Конечно. Я могу заметить и предложить. Ты можешь принять или отказаться.

— А если ты не заметил?

— Тогда у тебя выбор: сказать или оставить меня за пределами этой задачи.

Фраза прозвучала жёстче, чем он, вероятно, собирался. Ксюша хотела возразить, однако вернулась мысленно к просьбе проверить страницу целиком. Если бы Дмитрий молча согласился, она получила бы помощь. Но он так и не узнал бы, что именно ей было страшно: не качество площадки, а возможность оказаться там без привычного общего имени на афише.

— Я не хочу решать про выступление одна, — сказала она.

— Это уже другая просьба.

— Да.

— Сформулируй.

Ксюша закрыла папку с фотографиями.

— Завтра посмотри материалы и скажи, видишь ли ты там место для меня. Не решай, соглашаться или нет. И не составляй программу, пока я не попрошу.

— До двенадцати.

— До двенадцати.

— А сейчас?

Она подумала.

— Сейчас помоги мне закончить пакет. Потом мы оба выходим из кабинета.

Они открыли список. Рядом с каждым пунктом Дмитрий поставил имя. Мастер и технические данные оставались за ним. Фотография и окончательный ответ организатору — за Ксюшей. Текст анонса был общим, но отправить его предстояло ей. Один пункт они удалили совсем: дополнительное описание оказалось никому не нужным.

Внизу формы оставалось поле «роль исполнителя». Раньше в подобных документах Дмитрий заполнял технические строки целиком: автор, композитор, основной голос, дополнительный вокал, правообладатель. Это экономило время и почти никогда не вызывало споров.

Ксюша открыла выпадающий список.

— Здесь только «основной артист» и «приглашённый исполнитель».

— Для этой формы выбирай приглашённого.

Она не нажала.

— Почему?

— Релиз выходит под моим именем.

— А вокальная партия?

— Твоя.

— Тогда форма описывает владельца релиза или работу в песне?

Дмитрий перечитал подсказку под полем. Формулировка оказалась расплывчатой.

— Скорее витрину. Если выбрать двух основных артистов, агрегатор создаст совместный релиз в обоих профилях.

— А если приглашённого?

— Появишься в названии и кредитах, но релиз останется в моём каталоге.

— Что мы хотим?

Он мог ответить сразу. Музыкальная стратегия была его привычной территорией, и у каждого варианта имелись последствия для каталога. Но вопрос относился не только к стратегии.

— Я хочу, чтобы песня вышла в моём проекте и твой голос был указан без уменьшения, — сказал Дмитрий. — А ты?

Ксюша открыла две предыдущие карточки и сравнила отображение.

— Для этой песни — приглашённый исполнитель. Но в описании пишем не «дополнительный вокал», а «вокал».

— Согласен.

— И имя полностью.

— Да.

Она выбрала поле сама.

Следующая строка требовала подтвердить разрешение исполнителя на использование записи. Дмитрий передвинул ноутбук к Ксюше.

— Здесь твоё подтверждение.

— Мы же вместе записывали.

— Это не отменяет разрешения.

Ксюша прочитала текст до конца, поставила отметку и вписала дату.

Рабочая просьба оказалась точнее доверия по умолчанию. Дмитрий не должен был предполагать согласие только потому, что голос записан в общей песне; Ксюша не обязана была воспринимать формальность как недоверие.

Последней строкой Ксюша добавила: «Страница камерных вечеров — посмотреть вместе, завтра, 11:00».

— Это просьба или календарь? — спросил Дмитрий.

— Согласованное время.

— Тогда ставь одиннадцать тридцать.

— Почему?

— В одиннадцать я ещё буду отвечать на письма.

Она исправила время.

В половине десятого пакет ушёл Марине. Ксюша закрыла почту, Дмитрий выключил монитор. На столе остался лист с распределёнными задачами: без стрелок, без скрытых ожиданий, без работы, которую один незаметно назначил друго-

му.

У двери кабинета Ксюша остановилась.

— Завтра ты можешь сказать, что площадка тебе не нравится.

— Могу.

— И что мне пока рано.

— Если так подумаю.

— Тогда я, возможно, не соглашусь с тобой.

— Это тоже помещается в просьбу.

Она закрыла дверь.

На листе за ней осталось ровно то, о чём они договорились. Всё остальное им ещё предстояло решить.

Глава 2. Не моя история

На следующий день в одиннадцать двадцать восемь Дмитрий вошёл в кабинет с двумя стаканами воды.

— Рано, — сказала Ксюша.

— У тебя две минуты, чтобы отказаться.

— Уже не хочу.

Она подвинулась, освобождая ему место перед монитором. Страницу камерных вечеров Ксюша успела изучить сама. Выписала адрес, имена организаторов, длительность программ и то, что осталось неясным. Чем больше она узнавала, тем меньше предложение походило на далёкую сцену, где неизвестные люди ждут от неё безошибочного голоса. Это был небольшой зал на шестьдесят мест, старый рояль, простая афиша, съёмка с одной камеры. Публика сидела близко.

Дмитрий прочитал её заметки, посмотрел две записи и открыл техническое описание площадки.

— Место для тебя там есть, — сказал он.

— А звук?

— Придётся уточнить. На старом видео вокал провален.

— Мне рано?

Он ещё раз взглянул на экран.

— Для большой самостоятельной программы — да. Для двух песен в таком вечере — нет.

Ксюша приняла ответ без облегчения и без обиды. Он не снял с неё решения, только обозначил масштаб, в котором видел работу возможной.

— Тогда сегодня отвечу.

Телефон, лежавший рядом с клавиатурой, коротко завибрировал.

Ксюша посмотрела на экран и перестала слышать, что Дмитрий говорил о запросе технического райдера.

Имя было знакомым настолько, что сначала показалось ошибкой.

Вера.

Восемь лет это имя существовало отдельно от человека. Оно встречалось на оборотах старых фотографий, в рассказах об университете, в памяти о коридоре общежития и летней остановке возле корпуса. Ксюша произносила его редко и всегда в прошедшем времени.

Теперь под именем стояло сообщение:

«Я буду в городе во вторник. Если ты готова, можем встретиться».

Без приветствия. Без объяснения, почему сейчас. Без обещания, что разговор окажется лёгким.

— Что случилось? — спросил Дмитрий.

Ксюша развернула к нему телефон.

Он прочитал и вернул.

— Та самая Вера?

— Да.

Имя было ему известно. История — нет. Ксюша показывала университетские фотографии, рассказывала, как они с Верой опаздывали на первую пару, делили на двоих деньги до стипендии, ночами переписывали чужие конспекты. На вопрос, почему перестали общаться, она отвечала коротко: разошлись после выпуска.

Формально это даже звучало правдой. Только выпуск тут был ни при чём.

— Она раньше писала? — спросил Дмитрий.

— Ни разу.

— Ты?

— Дважды. Но ничего не отправила.

Он ждал продолжения. Не подталкивал и не делал вид, что ему достаточно ответа. Ксюша закрыла страницу площадки. Две темы не помещались рядом на одном экране.

— На последнем курсе Вера хотела уйти из университета, — сказала она. — Ей надоели общежитие, учёба, бесконечные скандалы с родителями. Она собиралась забрать документы и уехать к тёте. Пока только думала. Даже заявление не подала.

— Тебе рассказала?

— Мне одной. И попросила никому не говорить.

До того года их дружба держалась не на крупных признаниях, а на ежедневной надёжности. У Веры был запасной ключ от Ксюшиной комнаты. Ксюша знала, где лежат её документы и кому звонить, если она не вернётся к ночи. Они

делили деньги до стипендии, прикрывали друг друга перед преподавателями только там, где это не требовало лжи, и могли неделями не произносить слово «доверие», потому что оно существовало в порядке вещей.

Когда Вера рассказывала о ссорах с родителями, Ксюша никогда не передавала разговор дальше. Поэтому в тот вечер ей не пришлось отдельно доказывать, что тайну можно оставить у неё.

— Где она тебе сказала?

— В прачечной общежития. Там было шумно, никто не мог услышать. Она сидела на подоконнике и держала в руках папку с документами.

— Уже собрала?

— Только выписала, что понадобится. Даже за заявлением не сходила.

Вера говорила не как человек, принявший решение, а как тот, кому впервые понадобилось произнести возможность вслух. Она перебирала варианты: уехать к тёте, взять академический отпуск, найти работу, закончить семестр и решить летом. Ксюша слушала больше часа.

— О чём она тебя просила?

— Не вмешиваться. И никому ничего не рассказывать, пока она сама не решит, что делать.

— А ты решила, что не вмешиваться — значит оставить её одну.

— Да. Мне казалось: если я настоящая подруга, я обязана

вмешаться.

Дмитрий поставил воду на стол.

— А ты рассказала.

Ксюша кивнула.

— Маме.

— Почему ей?

— Она знала Вериных родителей. Я думала, мама поймёт, что делать.

— То есть ты хотела совета?

— Наверное. Нет. — Ксюша потёрла большим пальцем край чехла. — Если честно, я хотела, чтобы кто-то остановил Веру. Мне казалось, она разрушает себе жизнь, а я стою рядом и ничего не делаю.

— Ты попросила маму оставить разговор между вами?

— Я вообще не подумала, что будет потом.

Мама позвонила Вериным родителям в тот же день. К вечеру они приехали в общежитие. Разговор слышал почти весь этаж. Отец потребовал, чтобы Вера собирала вещи; мать плакала и спрашивала, за что дочь так с ними поступает. Веру увезли домой, через неделю она вернулась на занятия и университет всё-таки окончила.

После этого Вера перестала разговаривать с Ксюшей.

— Однажды я подошла к ней у аудитории, — продолжила Ксюша. — Сказала, что испугалась за неё. Что хотела как лучше. Даже попросила когда-нибудь посмотреть на ситуацию моими глазами.

— А её глазами ты посмотрела?

— Гораздо позже.

Она помнила не крик — Вера не кричала. Стояла возле окна с папкой, прижатой к груди, и слушала. Потом спросила:

«Ты понимаешь, что я теперь должна объясняться со всеми, хотя ещё ничего не решила?»

Ксюша ответила, что зато Вера не совершила ошибку.

Вера тогда усмехнулась. Совсем коротко.

«Ты уже и это решила за меня».

— После этого она ушла, — сказала Ксюша. — Я ещё несколько раз пыталась подойти. Она проходила мимо. На выпускном мы были в одном зале и даже не поздоровались.

Дмитрий не сказал, что они обе были молодыми. Не напомнил, сколько прошло лет. Подобные фразы могли бы уменьшить её стыд, но вместе с ним уменьшили бы и то, что пережила Вера.

— Хочешь встретиться? — спросил он.

— Не знаю.

— Тогда чего хочешь от её сообщения?

Ксюша перечитала одну строчку.

— Чтобы оказалось, что она давно меня простила.

— Это честный ответ.

— И плохой.

— Удобный для тебя.

Она встала, прошла к стеллажу и достала тонкую серую

папку. В ней хранились старые документы: университетский договор, копии диплома, несколько справок. Между ними лежали два сложенных листа.

Дмитрий понял раньше, чем она развернула первый.

— Те письма?

— Да.

— Покажешь?

Ксюша прочитала начало сама.

«Вера, я всё это время пытаюсь понять, почему ты не дала мне возможности объяснить…»

Она остановилась.

— Уже первая строка.

— Что с ней?

— Я прошу у неё возможности объяснить. Будто проблема в том, что она плохо меня поняла.

Ниже шли слова о страхе, дружбе и лучших намерениях. Ксюша называла свой поступок ошибкой, но каждое признание сопровождала причиной. Она как будто соглашалась быть виноватой лишь при условии, что суд учтёт смягчающие обстоятельства.

Второе письмо было написано через два года. Там не было оправданий. Зато почти на каждой странице повторялось, как тяжело Ксюше жить с потерей, как часто она вспоминает Веру и как сильно нуждается в прощении.

— Здесь я уже всё понимаю, — сказала Ксюша. — И опять говорю только о себе.

Дмитрий взял письмо лишь после того, как она протянула его.

— Ты просишь её сделать твоё прошлое переносимым.

— Жёстко.

— Неправда?

— Правда.

Он вернул лист.

— Я могу сказать, что ты изменилась. Могу напомнить, сколько времени прошло. Могу перечислить всё, за что я тебе доверяю. Но Вера не обязана принимать моё свидетельство.

— Я и не прошу.

— Сейчас — нет.

Ксюша уловила ударение.

— Думаешь, попрошу на встрече?

— Думаю, тебе захочется сделать хоть что-то, чтобы быстрее перестало быть больно. Вопрос — кому.

Она снова села. Перед ней находились сообщение, два письма и ещё не отправленный ответ организатору. Утром ей казалось, что трудным решением станет выступление. Теперь оно выглядело ясным хотя бы потому, что касалось её собственной готовности.

— Если я встречусь, что я должна сказать?

— Не знаю.

— Совсем?

— Это твоя история с Верой. Я могу выслушать, что ты

хочешь ей сказать. Но подходящих слов за тебя у меня нет.

— Ты всегда находишь слова.

— Для себя.

Ксюша сложила письма по прежним сгибам.

— Я боюсь, что начну оправдываться.

— Тогда заранее скажи ей: если начнёшь оправдываться, пусть остановит.

— После того как я нарушила её границы, просить её ещё и контролировать меня?

Дмитрий кивнул.

— Справедливо. Значит, остановись сама, как только заметишь.

— Исчерпывающий совет.

— Зато ответственность останется у тебя.

Она хотела улыбнуться, но не смогла.

— А если она позвала, чтобы сказать, что по-прежнему меня ненавидит?

— Услышишь.

— И всё?

— Что ещё ты вправе потребовать?

Ксюша положила ладонь поверх сложенных листов.

— Ничего.

Несколько минут они сидели молча. За стеной работала стиральная машина, в коридоре на площадке кто-то дважды повернул ключ. Дом продолжал заниматься собственными звуками, не подстраиваясь под сообщение из прошлого.

Дмитрий первым вернулся к компьютеру.

— Хочешь, я уйду?

— Зачем?

— Чтобы ты ответила одна.

Ксюша подумала.

— Останься. Только не читай через плечо.

— Хорошо.

Он открыл техническое описание площадки. Ксюша нажала на поле ответа.

Сначала написала: «Я давно хотела поговорить». Удалила. Эта фраза сразу требовала объяснить, почему тогда молчала восемь лет.

Потом: «Спасибо, что написала». Тоже стёрла. Благодарность звучала так, будто Вера уже сделала ей подарок.

Осталось назвать действие.

«Да, я готова встретиться. Напиши, пожалуйста, где и во сколько тебе удобно».

Ксюша перечитала.

— Дим.

Он отвернулся от монитора.

— Можно покажу?

Она сама протянула телефон.

Дмитрий прочитал.

— Здесь есть место для её ответа.

— Отправлять?

— Ты меня спрашиваешь или проверяешь?

Ксюша забрала телефон.

— Спрашиваю мнение.

— Я бы отправил.

— Но решение моё.

— Да.

Она нажала на стрелку.

Сообщение сразу появилось в переписке. Под ним возник один серый значок, затем второй.

Вера была где-то по другую сторону этих знаков и ничего пока не отвечала.

Ксюша убрала старые письма в папку. Выбрасывать их она не стала: слишком легко было бы принять уничтожение бумаги за исправленное прошлое. Папку вернула на место.

— А площадке? — спросил Дмитрий.

Она снова открыла почту.

— Площадке скажу «да». Две песни. Программу предложу позже.

— Помощь нужна?

— Пока — отправить технические вопросы. От своего имени.

— Сделаю.

Он записал задачу в список.

В половине первого Вера ответила адресом небольшого кафе и временем. Без дополнительных слов.

Встреча была назначена на вторник, шесть вечера.

Через минуту пришло ещё одно сообщение:

«Ты будешь одна?»

Ксюша прочитала вопрос и почувствовала, как автоматически ищет безопасный ответ. Можно было написать, что Дмитрий только проводит её. Что он будет где-нибудь рядом. Что Вере не придётся с ним разговаривать.

Ни одна из этих возможностей не обсуждалась. Ксюша уже мысленно разместила Дмитрия возле встречи, потому что рядом с ним выдерживать собственную вину было легче.

Она ответила:

«Да. Одна».

— Вера спросила, приду ли я одна, — сказала она.

— И что ты ответила?

— Что одна.

Дмитрий кивнул.

— Я ведь не просила тебя не приходить.

— И не просила прийти.

— Тебе совсем не хотелось предложить?

— Хотелось.

— Почему не предложил?

— Потому что тогда тебе пришлось бы решать ещё и вопрос моего присутствия. Сначала разберись со своим.

Ксюша положила телефон.

— Я, наверное, хотела бы знать, что ты где-то близко.

— Могу встретить после.

— Нет. Это тоже превратит разговор в дорогу к твоему ожиданию. Я напишу, когда поеду домой.

— Хорошо.

Она открыла новый документ и назвала его датой встречи.

Сначала записала всё, что собиралась сказать: что испугалась за Веру, была молодой, доверилась матери и не представляла последствий. Получилось почти третье письмо — более взрослое по форме, но всё ещё выстроенное вокруг причин Ксюши.

Она удалила текст.

На чистой странице оставила четыре строки:

«Я рассказала то, что обещала сохранить.

После этого другие люди получили власть над твоим решением.

Я оправдывала поступок хорошим намерением.

Я готова услышать последствия и не спорить».

Ниже добавила отдельный список:

«Не говорить: “я хотела помочь”; “я тоже страдала”; “зато ты окончила университет”; “мы обе были молодыми”».

— Ты готовишь речь? — спросил Дмитрий.

— Ограничители.

— Покажешь?

Ксюша развернула экран.

Он прочитал и остановился на последней строке.

— Почему нельзя сказать, что вы были молодыми?

— Потому что это одинаково уменьшит наши поступки. А последствия были разные.

— Согласен.

— Я не буду брать лист на встречу.

— Почему?

— Если забуду всё без него, значит, опять пришла объяснять себя.

Она сохранила документ, но не печатала. Подготовка не делала разговор предсказуемым; она только убирала несколько привычных путей бегства.

В тот же день позвонила мама. Среди вопросов о работе, еде и планах на неделю Ксюша сказала, что во вторник увидится с Верой.

— С той самой Верой? — переспросила мама. — Вы же столько лет не общались. Она вернулась?

— Будет в городе один день.

— А почему вы тогда всё-таки разошлись?

Ксюша посмотрела на серую папку в стеллаже.

— Мам, я расскажу позже.

Мать выдержала паузу, затем перешла к другой теме. Вопрос, однако, остался между ними и теперь тоже получил срок — только пока без точной даты.

Теперь прошлое существовало не только в рассказе, известном Дмитрию. Оно получило место, час и человека, который мог помнить всё иначе.

Глава 3. Не о тебе

К понедельнику организаторы камерного вечера подтвердили две песни и прислали дату.

Ксюша прочитала письмо утром, ответила сама и лишь потом переслала Дмитрию. Вечером у них была студия: требовалось закончить материал для другого релиза, давно стоявшего в графике. Выступление пока не имело к нему отношения, но после письма всё, что Ксюша делала с голосом, звучало для неё иначе. Через несколько недель запись перестанет быть единственным местом, где можно исправить фразу до того, как её услышат.

В аппаратной находились четверо. Звукорежиссёр работал за главным монитором. Дмитрий сидел справа, просматривая пометки по сведению. Марина сверяла названия файлов и данные для выпуска. Ксюша стояла у стены с планшетом, пока через колонки шёл последний припев.

На финальной строке она подняла руку.

— Останови, пожалуйста.

Звукорежиссёр нажал пробел.

— Что услышала?

— Конец слова выпал вперёд.

Он вернул запись на несколько секунд.

— Здесь?

— Да.

Отдельно фрагмент звучал чисто. Согласные стояли на месте, нота не проседала. Технической ошибки не было.

— В общей записи никто не заметит, — сказал звукорежиссёр.

— Я заметила.

— Это другой критерий.

— Сегодня — мой.

Он посмотрел на Дмитрия.

— Что скажешь?

— Что новый дубль займёт три минуты.

— Если один.

Ксюша взяла планшет.

— Один фрагмент. Результат не обещаю.

— Вот это уже честные условия, — ответил звукорежиссёр.

Она вошла в кабину.

В отличие от пролога, теперь никто не спрашивал, способна ли Ксюша услышать различие. Её право на дубль стало частью работы. Спор шёл о цене: несколько минут, новая дорожка, возможная необходимость пересобрать склейку. Маленькие решения тоже имели стоимость, и уважение к голосу не отменяло расписания.

Звукорежиссёр включил связь.

— Дам два такта. Поехали.

Первый новый вариант Ксюша закончила мягче, но середина строки потеряла опору.

— Ещё один, — сказала она сама.

— Ты обещала фрагмент, а не дубль. Формально договор не нарушен.

— Пользуешься мелким шрифтом?

— Учусь у лучших.

Второй вариант получился ровным. Ксюша сняла одну чашку наушников и вопросительно посмотрела через стекло.

Звукорежиссёр поднял большой палец.

— Выходи. Сравним.

Она повесила наушники, закрыла текст на планшете и задержалась в кабине, чтобы ответить на звонок. Сквозь стекло было видно, как Ксюша слушает, прижав телефон к уху, но её слов в аппаратной не слышали.

Звукорежиссёр сохранил оба дубля.

— Разницу слушатель всё равно не поймёт.

— Ему и не обязательно понимать, как она сделана, — сказал Дмитрий.

— Я не спорю. Просто хочу знать, сколько времени оставлять в следующий раз.

Он приблизил дорожку и отметил конец строки.

— Она всегда так долго выбирает?

Вопрос прозвучал буднично. Без насмешки, скорее как рабочее любопытство человека, которому приходится рассчитывать смену. От этого ответить за Ксюшу было бы ещё легче.

— Спроси её, — сказал Дмитрий.

— Я про твой опыт.

— Мой опыт не подскажет тебе её решение в следующий раз.

— Но ты же знаешь, как она работает.

— Знаю.

— И?

Дмитрий посмотрел на кабину. Ксюша закончила разговор, убрала телефон и уже открывала дверь.

— И она здесь.

Ксюша вошла в аппаратную.

— Что я пропустила?

Звукорежиссёр чуть отодвинулся от стола.

— Пытаюсь понять, сколько времени закладывать на твой вокал.

— На мой или на все наши решения?

— Сейчас — на твой. Ты всегда так долго выбираешь окончание?

Ксюша перевела взгляд на Дмитрия. Он не подсказывал, какую часть разговора считать обидной.

— Иногда дольше, — ответила она. — А иногда первый вариант точный. Если тебе нужен гарантированный срок, закладывай два дополнительных дубля на сложные строки. Больше — согласовывай со мной.

Звукорежиссёр кивнул.

— Вот это мне и нужно было.

— Можно было спросить до записи.

— Можно.

— Почему не спросил?

Звукорежиссёр не стал притворяться, что не понимает вопроса.

— Потому что с Дмитрием работаю дольше. Проще сверить ожидания с ним.

— Проще для кого?

— Для графика.

— А для следующей записи?

Он посмотрел на две новые дорожки.

— Для следующей полезнее твой ответ.

— Тогда договоримся сейчас. Если считаешь, что я задерживаю смену, говоришь мне, сколько времени осталось и что именно нужно принять. Не спрашиваешь у Дмитрия, нормальная ли я.

— Я не так сформулировал.

— Я знаю. Но вопрос про то, всегда ли я долго выбираю, уже был не про дорожку.

Звукорежиссёр признал это коротким кивком.

— Хорошо. Со своей стороны: если мы согласовали один фрагмент, а начинаем перепевать половину песни, я останавливаю.

— Справедливо.

— И два дополнительных дубля не превращаются в бесконечные.

— Пока отдельно не договоримся.

— Именно.

Дмитрий слушал и не становился ни переводчиком, ни судьёй. Рабочее правило возникало между людьми, которым предстояло соблюдать его на следующей смене.

Он включил три варианта: исходный, первый новый и второй.

Ксюша слушала с закрытыми глазами. Дмитрий смотрел на временную шкалу. Марина, до этого не вмешивавшаяся, отметила что-то в своём списке.

— В исходном лучше середина, — сказала Ксюша. — Во втором — окончание. Склеим?

— Я бы так и сделал, — ответил звукорежиссёр.

— Покажи.

Он перенёс короткий фрагмент, выровнял стык и включил всю строку.

— Ещё раз, — попросила Ксюша.

Звукорежиссёр посмотрел на часы.

— Слушаем ещё раз, потом принимаем решение.

— Подходит.

После второго прослушивания Ксюша согласилась. Марина получила точную длительность, закрыла ноутбук и уехала. До конца смены оставалось сорок минут. Звукорежиссёр запустил экспорт и пошёл в соседнюю комнату проверить резервную копию.

В аппаратной они остались вдвоём.

Ксюша положила планшет в сумку.

— Он сначала спросил тебя?

— Да.

— Что именно?

— Всегда ли ты долго выбираешь и сколько времени ему оставлять.

— И что ты сказал?

— Чтобы спросил тебя.

Она застегнула молнию.

— Можно было ответить.

— Можно.

— Ты ведь знаешь ответ.

— Знаю только свой.

— Тогда скажи свой.

Дмитрий развернул к ней кресло.

— Иногда ты выбираешь долго.

— Насколько долго?

— Настолько, что люди устают ждать.

Ксюша ожидала более осторожной формулировки. На секунду её лицо изменилось, затем она взглянула на монитор.

— В названии проекта какая версия?

— Одиннадцатая.

— Люди не устают ждать?

— Устают.

— Значит, в этом мы похожи.

— Да.

— Только моя одиннадцатая версия помещается в три ми-

нуты.

— Твоя — на виду.

— А твои десять предыдущих никто не видел?

— Видели. Просто они не стояли за стеклом.

Ксюша села на свободное кресло.

— Получается странно. Ты согласен с ним, но за моей спиной не сказал.

— Он спрашивал о тебе.

— А если ответ правдивый?

— Правда не становится моей собственностью только потому, что я её заметил.

— Ты сейчас очень красиво уходишь от обычного рабочего вопроса.

— Нет. На обычный рабочий вопрос он получил ответ: два дополнительных дубля. Для графика этого достаточно. Остальное касалось твоего характера.

— И его нельзя обсуждать без меня?

— Мне — можно. С тобой.

Ксюша некоторое время рассматривала собственную дорожку на экране.

— Мы ведь иногда обсуждаем других людей дома.

— Обсуждаем.

— Тогда где граница?

Дмитрий ответил не сразу. Готовая формула здесь была бы удобной и почти наверняка ложной.

— Наверное, в цели. Можно назвать поступок, чтобы при-

нять решение. Можно попросить совета, если не справляешься. А можно собирать образ человека, пока его нет, потому что так проще, чем спросить прямо.

— Сегодня он собирал образ?

— Скорее искал короткий путь.

— А ты?

— Не захотел быть этим путём.

Ксюша опёрлась локтями о колени.

— Если бы он спросил при мне, ты сказал бы, что я выбираю долго?

— Если бы ты спросила моего мнения — да.

— Я уже спросила.

— И я сказал.

— А что ещё?

— Иногда ты продолжаешь искать вариант после того, как задача решена.

Она молчала, ожидая продолжения.

— Потому что боишься выпустить то, что нельзя будет вернуть, — добавил Дмитрий. — Порой это спасает работу. Порой только отнимает время.

Ксюша медленно кивнула.

— Вот это было неприятно.

— Знаю.

— Но правильно.

— Возможно.

— Почему «возможно»?

— Потому что ты лучше знаешь, чего боялась в кабине.

Она посмотрела сквозь стекло на пустой микрофон.

— Сегодня — сцены.

— Той, которая ещё даже не назначена?

— Уже назначена.

Ксюша протянула ему телефон с открытым письмом. Дата стояла через четыре недели.

— Ты ответила?

— Утром.

— Почему не сказала?

— Хотела сначала привыкнуть сама.

Он вернул телефон.

— Привыкла?

— Нет. Но это уже произошло.

Звукорежиссёр вернулся с накопителем.

— Резервная готова. Слушаем экспорт?

Они надели наушники. Песня прошла от начала до конца. Новое окончание не привлекало к себе внимания — стало частью целого, ради чего его и меняли.

После прослушивания звукорежиссёр снял наушники.

— Принимаем?

Он смотрел на Ксюшу.

— Принимаем, — ответила она.

— Тогда отправляю Марине.

Пока файл загружался, Ксюша подписала дату в своём календаре. Дмитрий увидел запись, но не предложил програм-

му, репетиции или список оборудования. Вчера она просила его не делать этого без отдельного разговора.

Звукорежиссёр заметил новую запись.

— Это тот камерный вечер?

— Да.

— Выделить вам отдельную студийную смену на подготовку?

Он спрашивал Ксюшу.

— Полная смена не нужна. Сначала я хочу дома пройти порядок песен, фонограммы и переходы.

— Когда?

Она открыла календарь. Раньше подобный вопрос почти автоматически перешёл бы Дмитрию: он лучше знал загрузку студии, технический объём и привычный ритм работы. Сейчас Ксюша сравнила собственные дни с предложенными окнами.

— В четверг после семи.

— В семь занято. Могу дать с восьми десяти до девяти.

— Подходит.

— Дмитрий будет?

Ксюша посмотрела на него.

— У меня в четверг приёмка другого материала, — сказал он. — Могу не успеть.

Она снова повернулась к звукорежиссёру.

— Тогда начнём без него. Для дуэтной песни оставим конец.

— Хорошо. Пришли фонограммы заранее.

— Пришлю завтра.

Звукорежиссёр внёс время в студийный график и отправил подтверждение прямо Ксюше.

— Ты правда начнёшь без меня? — спросил Дмитрий, когда тот отошёл к компьютеру.

— Правда.

— А если я не успею совсем?

— Пройду свою часть. Дуэт отрепетируем отдельно.

Он не стал обещать, что обязательно отменит приёмку или найдёт способ приехать. Ксюше и не требовалось доказательство, что её первая подготовка важнее всех его задач. Достаточно было знать условия заранее и строить собственную работу так, чтобы отсутствие Дмитрия не отменяло её.

— Только не присылай мне список упражнений до четверга, — сказала она.

— Даже один?

— Если попрошу.

— Принято.

Уже в коридоре Ксюша сказала:

— Мне понравилось, что ты его остановил.

— Я его не останавливал.

— Перенаправил.

— Так точнее.

— Но если у тебя есть мнение обо мне, я хочу его знать.

— Хорошо.

— Не когда кто-то спросит.
— А когда?
Ксюша нажала кнопку вызова лифта.
— Когда оно касается того, что мы делаем вместе.
— Даже неприятное?
— Особенно.
Двери открылись. Она вошла первой.
— Только говори мне прямо, — добавила Ксюша.
Дмитрий вошёл в лифт следом.
— Буду. В первую очередь — тебе.

Глава 4. Вера

Во вторник Ксюша приехала раньше на двадцать минут.

Кафе находилось на первом этаже старого делового здания. Внутри стояли круглые столы на тонких металлических ножках, у кассы вращалась витрина с десертами, из динамиков играла музыка, которую никто не слушал. Ксюша выбрала место у стены, откуда было видно вход.

Пока ждала, она трижды открывала заметку с единственной записанной фразой:

«Я нарушила твоё доверие и лишила тебя права самой решить, что делать».

Ниже ничего не было.

Дмитрий предлагал послушать, если она захочет отрепетировать разговор. Ксюша отказалась. Извинение, заранее проверенное на убедительность, слишком легко превратилось бы в выступление. На встрече ей предстояло слышать живого человека, а не правильно исполнить подготовленный текст.

Вера вошла ровно в шесть.

Ксюша узнала её сразу, хотя лицо изменилось сильнее, чем на фотографиях в социальных сетях. Волосы стали короче. Движения — спокойнее. Вера остановилась у входа, нашла Ксюшу взглядом и подошла.

— Привет.

— Привет.

Они не обнялись.

Вера сняла пальто и положила его на соседний стул. Сумку оставила у ног.

— Ты давно ждёшь?

— Минут двадцать. Я рано приехала.

— Понятно.

Подошла официантка. Вера заказала чёрный чай, Ксюша — воду. Когда они снова остались вдвоём, обе посмотрели на стол, будто там уже находилось начало разговора.

— Спасибо, что согласилась, — сказала Вера.

— Ты написала.

— Да.

— Почему сейчас?

Вера провела пальцами по ремню сумки.

— Была у родителей. Разбирала свои старые вещи. Нашла открытку от тебя и поняла, что уже могу сесть с тобой за один стол. Этого показалось достаточно, чтобы написать.

Не для примирения. Не потому, что всё прошло. Просто для одного стола.

— Я рада, что ты написала, — сказала Ксюша и тут же услышала, как фраза тянет разговор к её чувству. — Но понимаю, что ты сделала это не для того, чтобы мне стало легче.

Вера подняла на неё глаза.

— Ты всё ещё так много поправляешь себя на ходу?

— Сейчас особенно.

— Я заметила.

Принесли воду. Ксюша дождалась, когда официантка отойдёт.

— Я хочу сказать главное. Я рассказала маме то, что ты доверила мне. После этого она позвонила твоим родителям. Я нарушила твоё доверие и лишила тебя права самой решить, что делать. Я была неправа.

Вера слушала, не перебивая.

Ксюша могла бы добавить, как часто вспоминала тот вечер, как стыдилась, как дважды писала ей. Всё это было правдой и ничего не меняло в названном поступке.

— Всё? — спросила Вера.

— Для начала — да.

— Без «я хотела как лучше»?

— Без.

Вера коротко кивнула.

— Хорошо.

Её чай принесли в стеклянном чайнике. Она налила чашку, попробовала и отодвинула блюдце.

— Знаешь, что меня тогда больше всего злило?

— Что я рассказала?

— Это тоже. Но потом все решили, что история закончилась удачно. Я осталась в университете, получила диплом. Значит, твоя паника будто бы спасла меня от ошибки.

Ксюша помнила, как сама повторяла этот довод. Сначала

Вере, потом себе.

— Диплом ничего не оправдывает, — сказала она.

— Сейчас ты это понимаешь.

— Да.

— А тогда ты ходила за мной по коридору и говорила: «Когда-нибудь ты поймёшь». Меня уже заставляли объясняться родители, куратор, комендант общежития. Потом ещё ты требовала, чтобы я поняла тебя.

Ксюша сжала пальцы под столом.

— Я помню.

— Нет, — сказала Вера. — Ты помнишь, что говорила. А я помню, что стало после.

Она не повысила голос. От этого каждое слово сохраняло собственный вес.

После скандала родители звонили Вере по нескольку раз в день. Отец приезжал без предупреждения. Мать требовала номер каждой подруги, у которой она собиралась ночевать. Когда Вера задерживалась после занятий, дома начинались новые обвинения. Решение остаться в университете, возможно, и было её решением — только принять его пришлось уже под надзором, среди людей, уверенных, что она готова разрушить свою жизнь.

— Я перестала рассказывать кому-либо, если сама ещё не решила, — сказала Вера. — Даже тем, кому доверяла. Потому что думала: человек испугается и опять начнёт спасать меня.

— Мне жаль.

— Я знаю.

— Откуда?

— Ты всегда выглядела виноватой, когда мы случайно встречались.

Ксюша опустила взгляд.

— Я написала два письма.

— Почему не отправила?

— В первом оправдывалась. Во втором просила сделать так, чтобы мне стало легче.

— Хорошо, что не отправила.

Ответ был настолько прямым, что Ксюша почувствовала почти облегчение. Здесь хотя бы ничего не требовалось угадывать.

— Я не пришла просить, чтобы мы снова дружили, — сказала она.

Вера посмотрела внимательно.

— А чего ты хочешь?

Вопрос был тем же, который задал Дмитрий. Только теперь уклониться от него значило бы снова занять чужое время собственным раскаянием.

— Услышать, что произошло с тобой после моего поступка. Сказать, что я понимаю свою ответственность. И не спорить с тем, что ты решишь дальше.

— Красивый ответ.

— Я готовила первую часть.

— А вторую?

— Вторую пришлось понять сейчас.

Вера отпила чай.

За соседним столом мужчина обсуждал по телефону доставку мебели. У кассы уронили ложку. Официантка поставила на витрину новую тарелку с пирожными. Мир вокруг не придавал их встрече особого значения, и в этом была честность: восемь лет разрыва не становились торжественной сценой только потому, что Ксюша наконец научилась произносить правильные слова.

— Я тебя не ненавижу, — сказала Вера.

Ксюша медленно выдохнула.

— Но доверять тебе мне всё равно трудно.

Облегчение оборвалось, не успев стать надеждой.

— Я понимаю.

— Нет, пока не понимаешь. Мы сидим сорок минут. Ты ведёшь себя осторожно. Возможно, ты действительно изменилась. Но доверие — это когда я рассказываю тебе что-то неготовое и не думаю, кому ты позвонишь после встречи.

— Я никому не позвоню.

Вера чуть подняла брови.

Ксюша услышала собственное обещание и исправилась:

— Это опять просьба поверить мне сразу.

— Да.

— Тогда не верь.

— Хорошо.

Никакой жестокости в ответе не было. Вера просто воспользовалась разрешением, которого когда-то у неё не спросили.

— Дмитрий знает? — спросила она.

— Что я рассказала маме — да.

— А всё остальное?

Ксюша не стала делать вид, что вопрос непонятен.

— Он знает, что родители приехали в общежитие и что после этого мы перестали общаться. Про звонки и проверки ты рассказала сегодня.

— Расскажешь ему?

Первым ответом было «конечно». Дмитрий был её мужем; с ним она обсуждала то, что происходило в жизни. Но близость с ним не превращала слова Веры в семейную собственность.

— Только если ты разрешишь. Или скажу, что услышала последствия, но подробности оставлю тебе.

Вера помешала ложкой чай, хотя сахар не добавляла.

— Про родителей можешь. И про то, что мне стало трудно доверять. Про мою нынешнюю жизнь — нет.

— Хорошо.

— Ты правда спросила бы?

— После нашей истории обязана.

— Не обязана. Могла просто решить, что мужу можно всё.

Ксюша выдержала её взгляд.

— Могла.

— Поэтому я и спрашиваю.

Вера убрала ложку на блюдце.

— Дмитрий хотел прийти?

— Не предлагал. Я сказала ему, что буду одна.

— Он не обиделся?

— Нет.

— Удобный человек.

— Иногда очень неудобный. Сегодня — точный.

Вера почти улыбнулась.

Этот короткий обмен не делал Дмитрия участником встречи. Напротив, впервые ясно обозначал место, за пределами которого он оставался. Вера знала, какие её слова дойдут до него, а какие закончатся за этим столом.

Они допили чай. Потом заговорили об университете — осторожно, выбирая воспоминания, не требовавшие близости. Вера рассказала, что иногда видится с двумя однокурсницами. Спросила, как Ксюша пришла к музыке. Ксюша ответила коротко: Дмитрий писал, ей предложили попробовать вокал, со временем работа стала общей. Она не превращала рассказ в счастливую биографию, которая должна была доказать, каким хорошим человеком стала.

Через час Вера посмотрела на часы.

— Мне пора.

— Конечно.

Они оделись и вышли вместе. На улице было прохладнее, чем ожидала Ксюша. У входа люди расходились в разные

стороны, едва переступив порог.

— Я могу тебе иногда писать? — спросила она.

Вера задумалась.

— Можешь.

— Ты не обязана отвечать.

— Я знаю.

— Да. Извини.

— За что сейчас?

— За то, что снова объясняю тебе твои права.

Вера впервые улыбнулась. Слабо, но без прежней дистанции.

— Вот это ты верно заметила.

Ксюша тоже улыбнулась.

— Тогда просто напишу. Когда будет что сказать.

— Хорошо.

Объятия всё равно не последовало. Вера протянула руку. Ксюша пожала её, не стараясь удержать дольше.

— Пока.

— Пока.

Вера пошла к остановке. Ксюша осталась возле входа и смотрела ей вслед ровно до того момента, когда поняла, что ждёт: вдруг та обернётся. Тогда повернулась сама и направилась к метро.

Дома Дмитрий работал в кабинете. Он вышел в прихожую, когда услышал ключ.

— Привет.

— Привет.

Он посмотрел на её лицо, принял пальто и повесил в шкаф.

— Есть будешь?

— Позже.

— Хорошо.

Ксюша сняла обувь, вымыла руки и прошла в комнату. Дмитрий вернулся к компьютеру. Он не спросил, простила ли её Вера, не предложил разобрать разговор, не попытался по выражению лица назначить Ксюше утешение.

Через несколько минут она сама остановилась в дверях кабинета.

— Ты занят?

— Могу закончить.

— Не надо. Я сяду?

Дмитрий освободил второе кресло от папок.

— Она меня не простила, — сказала Ксюша.

Он сохранил файл и только после этого повернулся.

— Она так сказала?

— Сказала, что не ненавидит. И что доверять мне по-прежнему трудно.

— Это разные вещи.

— Да.

Ксюша рассказала про родителей, звонки, внезапные приезды, про то, как диплом много лет использовали в качестве доказательства правильности чужого вмешательства. Неко-

торые фразы она повторила почти дословно. Другие оставила при себе. Вера говорила с ней, а не с Дмитрием; право на пересказ не возникало автоматически из супружеской близости.

— Мы договорились, что я могу иногда писать, — закончила Ксюша. — Она может не отвечать.

— Напишешь?

— Когда будет что сказать.

Телефон Дмитрия зазвонил. На экране появилось: «Мама Ксюши».

Обычно она звонила дочери. Если Ксюша долго не брала трубку, набирала его и начинала разговор с вопроса, всё ли у них в порядке. Ксюша достала свой телефон из сумки: два пропущенных.

— Ответь, — сказала она.

Дмитрий включил громкую связь только после её кивка.

— Добрый вечер.

— Дима, здравствуй. Вы куда оба пропали? Я Ксюше звоню, она трубку не берёт.

— Она только пришла.

— Всё хорошо?

— Всё хорошо.

— Вера приехала? Они встретились?

Ксюша закрыла глаза. Она сама упомянула встречу несколько дней назад и теперь забыла, что для матери эта тема не закончилась.

— Встретились, — ответил Дмитрий.

— Ну и как? Почему они тогда перестали общаться? Ксюша тебе рассказывала?

Он посмотрел на Ксюшу.

— Рассказывала.

— Так что произошло?

— Это не моя история, чтобы её рассказывать.

В трубке стало тихо.

— Я ведь не из любопытства спрашиваю.

— Я понимаю.

— Хорошо. Дай тогда Ксюше.

Ксюша покачала головой и одними губами сказала: «Потом».

— Она устала, — произнёс Дмитрий. — Перезвонит вам завтра.

— Пусть хотя бы сообщение пришлёт. Я волнуюсь.

— Пришлёт.

Они попрощались. Дмитрий положил телефон на стол.

— Ты меня прикрыл? — спросила Ксюша.

— В последней фразе — да. Ты не говорила, что пришлёшь сообщение.

— Я не про сообщение.

— Тогда нет.

— Ты не рассказал, хотя знаешь, что я виновата.

— Это ничего не меняет.

— Почему?

— Потому что сама рассказать о своём поступке должна ты. Если это сделаю я, твоей маме придётся обсуждать его со мной, а не с тобой.

— Можно было сказать, что я пока не готова.

— Можно. Но я не знаю, готова ты или нет. Поэтому сказал только о своём праве: у меня его нет.

Ксюша вспомнила студию и вопрос, заданный за стеклом.

— Не говорить за человека — ещё не значит его защищать.

— Да.

— И не значит скрывать правду.

— Пока молчание не требует лжи.

— А если мама спросит тебя прямо, рассказывала ли я ей тогда про Веру?

— Скажу, чтобы спросила тебя.

— Опять перенаправишь.

— Это твой разговор.

Ксюша взяла свой телефон. Открыла переписку с матерью и написала: «Я дома. Всё в порядке. Завтра позвоню».

Сообщение было прочитано сразу. Следом появились три точки, потом исчезли. Мама ограничилась сердечком.

— Завтра, — сказала Ксюша.

— Хорошо.

— Ты будешь рядом?

— Если попросишь.

Она подумала.

— Будь дома. Но разговаривать я буду одна.

На следующий день Ксюша позвонила матери после обеда. Дмитрий работал в кабинете с закрытой дверью. Перед звонком она специально ушла в комнату: достаточно близко, чтобы знать — он здесь, и достаточно далеко, чтобы его присутствие не стало вторым голосом в разговоре.

Мама сначала спросила, как прошла встреча, потом — как выглядит Вера, надолго ли приехала, где они сидели и почему Ксюша не перезвонила вечером. Ксюша ответила не на всё.

— Мам, мы перестали общаться из-за меня.

Разговор сразу изменился.

Ксюша рассказала только свою часть: Вера доверила ей решение, которое ещё не приняла; Ксюша испугалась и передала это матери; дальше информация ушла к родителям.

— Я ведь хотела помочь, — сказала мама.

— Знаю.

— Ты так переживала. Я подумала, её родители должны знать.

— Мы обе решили за неё.

Мама долго молчала.

— Она тебя простила?

— Не знаю. И не хочу сейчас говорить за неё.

— А со мной она говорить будет?

— Я не стану её просить.

— Я могла бы извиниться.

— Если Вера захочет, я передам ей твой номер. Сначала спрошу у неё.

Матери было трудно оставить действие незавершённым. Она ещё несколько раз возвращалась к тому, что они желали добра, что Ксюша тогда плакала, что Вера действительно могла бросить учёбу. Ксюша не спорила с намерениями и каждый раз возвращала разговор к поступку.

— Мам, первой рассказала я. Это моя ответственность.

Когда звонок закончился, за окном уже темнело. Дмитрий не вышел сразу. Ксюша посидела одна, потом сама открыла дверь кабинета.

— Всё?

— Пока.

— Как она?

— Пытается понять, как хорошее намерение могло причинить вред.

— А ты?

Ксюша осталась стоять в дверях.

— Пытаюсь не требовать, чтобы все поняли это за один день.

Телефон завибрировал у неё в руке.

Пришло сообщение от Веры:

«Я добралась. Спасибо, что вчера не стала объяснять».

Ксюша прочитала его дважды. Ответила не сразу.

«Спасибо, что сказала мне всё прямо».

Она не добавила ни вопроса, ни приглашения, ни обеща-

ния стать другим человеком. Отправила и положила телефон экраном вниз.

В переписке появились две короткие фразы. Этого было мало для прежней дружбы и достаточно для следующего сообщения — если оно когда-нибудь понадобится.

На следующий вечер Ксюша вернулась к обещанию, данному матери.

Она открыла переписку с Верой и долго смотрела на последние сообщения. Спросить о разговоре с мамой означало снова принести Вере задачу, возникшую из чужого чувства вины. Но умолчать после прямого обещания тоже было нельзя.

Ксюша написала:

«Я рассказала маме свою часть той истории. Она хочет извиниться перед тобой. Я не дала ей твой контакт. Если ты когда-нибудь захочешь поговорить с ней, скажи мне. Ничего решать сейчас не нужно».

Прежде чем отправить, показала Дмитрию.

— Что проверяю? — спросил он.

— Не переложила ли я на Веру обязанность успокоить маму.

Он прочитал.

— Фраза «ничего решать сейчас не нужно» всё равно подсказывает ей, как относиться к сообщению.

— Убрать?

— Я бы убрал.

Ксюша удалила последнюю строку и перечитала снова.

— Теперь просто информация и возможность.

— Да.

Она отправила.

Ответ пришёл утром:

«Спасибо, что не дала номер. Пока не хочу».

Ксюша написала: «Хорошо» — и на этом остановилась.

Матери позвонила сама.

— Я спросила Веру. Сейчас она разговаривать не хочет.

— Она так и сказала?

— Да.

— Может быть, если я напишу коротко…

— Мам, нет.

— Я не буду оправдываться.

— Вопрос уже задан. Ответ получен.

В трубке возникла пауза.

— Хорошо, — сказала мама. — Тогда не буду.

Согласие далось ей трудно, но она не попросила номер тайно, не попыталась найти Веру через знакомых и больше к теме в тот день не вернулась.

Через три дня Вера прислала фотографию университетского двора. На снимке меняли старую ограду; за ней был виден корпус, возле которого они когда-то ждали друг друга после занятий.

Под фотографией стояло:

«Они всё-таки её убрали».

Ксюша могла ответить десятком общих воспоминаний. Выбрала одно:

«Мы говорили, что она переживёт университет».

Вера поставила смеющийся знак.

Разговор закончился.

Эта короткая переписка ничего не подтверждала. Вера могла написать снова через день или никогда. Но впервые между их сообщениями находилось воспоминание, которое не требовало ни суда, ни прощения.

Глава 5. Наше воскресенье

В пятницу мама позвонила Ксюше в половине восьмого.

Разговор начался с вопроса, не мешает ли она, и прежде чем Ксюша успела ответить, перешёл к воскресенью, новому рецепту пирога, соседке сверху и коробке старых фотографий, найденной в шкафу. Ксюша слушала, сидя на краю дивана. Из домашнего кабинета доносился неровный стук клавиш: Дмитрий заканчивал описание релиза.

— К двум? — переспросила она. — Мам, я сначала поговорю с Димой.

В трубке последовало объяснение, что приглашение, разумеется, относится к ним обоим, что готовить отдельно ничего не будут, хотя Ксюша прекрасно знала: будут, и что приехать можно в любое время, но лучше всё-таки к двум.

— Вечером отвечу. Да, сегодня. Обещаю.

Она завершила звонок и не пошла в кабинет. Дверь была приоткрыта, однако открытая дверь не означала свободного человека. Ксюша поставила в календаре возле воскресенья вопросительный знак и занялась своими делами.

Примерно в то же время Дмитрию написал звукорежиссёр:

«В воскресенье освобождается студия. С двенадцати до четырёх можем спокойно добить монтаж и проверить мастер на больших мониторах. Подойдёт?»

Дмитрий прочитал сообщение, открыл календарь и увидел пустую строку.

Пустой она была только для постороннего взгляда.

Несколько недель назад они договорились оставлять одно воскресенье без отдельных рабочих обещаний. Иногда уезжали, иногда оставались дома, иногда каждый занимался своим делом в одной квартире. Смысл состоял не в обязательной программе. Этот день заранее принадлежал им обоим, а потому ни один не мог распорядиться им единолично.

«Отвечу вечером», — написал Дмитрий.

В восемь он вышел из кабинета. Ксюша сидела за столом с открытым календарём.

— Мама зовёт нас в воскресенье, — сказала она. — К двум.

— Меня позвали в студию. С двенадцати до четырёх.

— Ты согласился?

— Пока нет.

— Я тоже.

Дмитрий сел напротив. Между ними лежало воскресенье, которое ещё никому не было обещано и уже не было свободным.

— Ты хочешь к маме? — спросил он.

— Хочу. Мы давно у неё не были. И она нашла фотографии. Это, видимо, отдельное событие.

— Судя по продолжительности звонка — государственное.

— Ты слышал?

— Только интонацию.

Ксюша улыбнулась.

— А ты хочешь в студию?

— Да. Там можно закрыть работу за одну смену. Потом понадобится снова искать окно.

Оба желания были настоящими. Поэтому ни одно нельзя было объявить мелочью ради простого решения.

— Можно сначала в студию, потом к маме, — сказала Ксюша.

Дмитрий открыл маршрут. От студии до маминого дома дорога занимала чуть больше часа.

— Если закончим ровно в четыре, приедем после пяти. Если задержимся, она весь день будет ждать и греть обед.

— Она и к двум начнёт греть его с двенадцати.

— Тем более.

— Я могу поехать одна.

— Можешь.

Ксюша ждала продолжения.

— Но? — спросила она.

— Никакого «но». Ты можешь поехать одна.

— Я хотела, чтобы ты был со мной.

— Тогда это меняет задачу.

— Почему я должна была произнести это отдельно? Она позвала нас обоих.

— Потому что приглашение матери и твоё желание — раз-

ные вещи. На первое я могу ответить из вежливости. На второе отвечаю тебе.

Ксюша посмотрела на календарь.

— Хорошо. Я хочу поехать вместе.

— Я тоже хочу поехать с тобой.

— А студия?

— Спрошу про субботу.

Он взял телефон, но не стал сразу писать.

— Только давай без красивой жертвы, — сказала Ксюша. — Если в субботу не получится, мы ещё раз решим. Я не хочу потом узнать, что из-за воскресного обеда работа сдвинулась на неделю.

— И я не хочу, чтобы ты ехала одна только потому, что мой график кажется важнее.

— Он иногда объективно важнее.

— Конкретная работа — возможно. Моё время вообще — нет.

Дмитрий написал:

«Могу приехать в субботу после шестнадцати. Если студия занята, оставим воскресенье и я подтвержу отдельно».

Ответ пришёл через несколько минут. Суббота подходила; начать можно было в половине пятого.

— Тебе удобно? — спросила Ксюша.

— Да. В субботу у меня только утренняя работа дома.

— Тогда отвечаем?

Дмитрий подтвердил студию. Ксюша позвонила матери.

— Мам, будем к двум.

Она отодвинула телефон от уха и посмотрела на Дмитрия.

— Нет, мы ничего не привезём. Мам. Мам, я знаю. Хорошо. Скажи, что нужно. Нет, три пакета мы тоже не повезём.

Дмитрий слушал с тем невозмутимым выражением, которое появлялось у него всякий раз, когда разговор уже нельзя было направить, оставалось только пережить.

— Что она сказала? — спросил он после звонка.

— Что ничего не нужно. Потом перечислила масло, яблоки и какую-то форму, которую забыла у нас.

— Форма у нас?

— Теперь уже, видимо, да.

Он вписал студию в субботу. Ксюша написала рядом с воскресеньем: «Мама, 14:00».

Остальная часть дня осталась без программы.

В субботу до обеда каждый занимался своим.

Дмитрий подготовил сессию к проверке: собрал мастер, альтернативную версию и несколько коротких фрагментов, на которых различия слышались лучше всего. Ксюша прошла вокальные упражнения, закончила текст подводки и разобрала одежду, которую собиралась проверить на следующей домашней репетиции.

В половине четвёртого они пообедали.

— Во сколько вернёшься? — спросила Ксюша.

— Если без сюрпризов — к девяти.

— А если с сюрпризами?

— Напишу.

— Хорошо.

Она не собиралась ждать у двери и не просила гарантировать время, которым Дмитрий не мог управлять в студии. Ей нужна была только понятная связь, чтобы строить собственный вечер.

Профессиональная студия освободилась с опозданием на двадцать минут. Предыдущий музыкант дослушивал экспорт и дважды возвращал звукорежиссёра к финалу композиции. Дмитрий не торопил. Его смена начиналась позже, чем планировалось, но оставалась отдельным рабочим временем, а не продолжением общего дня дома.

В аппаратной он разложил файлы по порядку проверки.

— Начнём с двух мастеров, — сказал звукорежиссёр. — Потом посмотрим, успеем ли эксперимент.

— Эксперимент не обязателен. Главное — закрыть версию.

Первое прослушивание прошло без остановок. На больших мониторах разница, заметная дома только в наушниках, стала яснее: в одной версии нижняя часть аранжировки звучала плотнее, но забирала пространство у голоса; в другой вокал оставался свободнее, зато несколько ударов казались слабее.

Они включили фрагменты по очереди.

— На небольших колонках плотная версия победит, — сказал звукорежиссёр.

— А целиком?

— Целиком утомит быстрее.

Дмитрий попросил не объяснять дальше и снова прослушал оба варианта. Выбрал второй.

— Тогда чуть вернём удар в двух местах, — сказал он. — Не весь низ.

Изменение заняло меньше десяти минут. Повторная проверка открыла другой дефект: в одном переходе короткий звук оказался почти незаметным дома, но здесь резко выступал вперёд.

— В воскресенье на спокойной смене нашли бы сразу, — заметил звукорежиссёр.

— Сейчас тоже нашли.

Фраза не защищала решение о семейном дне. Дмитрий просто не видел смысла превращать расписание в разговор о правильных и неправильных жертвах.

К семи они подготовили новую версию. Оставалось проверить её на второй паре мониторов и в наушниках. После этого можно было либо закончить, либо открыть тестовый проект для нового оборудования, которое позволяло отдельно управлять глубиной разных групп звуков. Именно ради этой проверки звукорежиссёр первоначально предлагал воскресенье.

— У нас час с небольшим, — сказал он. — Если быстро, попробуем.

Дмитрий посмотрел на контрольный список.

— Сначала экспорт и резервная копия. Если останется время — попробуем.

Он написал Ксюше: «Задержусь. Вероятно, до половины десятого».

Ответ пришёл почти сразу: «Хорошо. Я тогда закончу свои листы. Напиши, когда выйдешь».

Ксюша не спросила, не означает ли задержка, что они зря выбрали воскресный визит. Дмитрий не добавил, что работает дольше «из-за мамы». Субботнюю смену они согласовали вдвоём, но внутри студии ответственность за её ход принадлежала ему.

На экспорте обнаружился щелчок. Его не было в проекте и не было в предыдущей версии. Файл вывели заново — щелчок остался.

Звукорежиссёр проверил точку склейки.

— Не здесь.

Они отключали группы дорожек одну за другой, пока не нашли автоматизацию эффекта, которая при экспорте срабатывала на долю секунды раньше. Исправили, снова вывели файл, прослушали участок, затем композицию целиком.

На часах было 20:47.

— Новое оборудование уже не проверяем, — сказал Дмитрий.

— Можно хотя бы загрузить проект.

— Тогда начнём и остановимся на середине.

— В воскресенье было бы четыре часа.

— Было бы.

Дмитрий сохранил список будущих проверок. Возможность не исчезла, но перестала помещаться в эту смену. Он принял ограничение без раздражения на семью, студию или себя.

Готовый мастер скопировали на два носителя и в рабочее хранилище. Дмитрий проверил совпадение размеров файлов, только после этого закрыл проект.

Ксюше он написал уже из коридора: «Вышел. Всё закончили».

Она ответила: «Жду дома».

Когда Дмитрий вернулся после девяти, на столе лежали распечатанные подводки Ксюши с её собственными пометками. Она не провела вечер в ожидании его работы и не оставила свои задачи как доказательство преданности.

— Всё получилось? — спросила она.

— Да.

— Эксперимент?

— Не успели. Перенесём.

— Жаль?

— Жаль времени. Мастер готов.

— Тогда главное сделали.

Ксюша не произнесла: «Зато завтра поедем к маме». Это противопоставило бы одно важное другому и превратило общий выбор в долговой обмен.

— Значит, завтра ты не будешь мысленно возвращаться

к дорожкам?

— Буду. Но открывать их не стану.

— Принимается.

В воскресенье они приехали без опоздания. Мама открыла дверь ещё до звонка, будто всё это время стояла в прихожей.

— Наконец-то. Я уже думала, вы опять застряли. Дима, проходи, не стой. Ксюша, почему без шарфа? Там ветер. Я тебе говорила, что к вечеру похолодает.

Она обняла дочь, потом Дмитрия. Взяла у него пакет, заглянула внутрь и сразу обнаружила, что яблок купили больше, чем просила.

— Зачем столько?

— Ты сказала взять килограмм, — ответила Ксюша.

— Это явно больше.

— Дима выбирал.

Мама посмотрела на него.

— Значит, хорошие.

— Я старался, — серьёзно сказал Дмитрий.

Ксюша сняла куртку и тихо спросила:

— Почему ко мне таких поблажек нет?

— Ты родная. С тебя спрос выше.

На столе уже стояли блюда, о которых мама заранее сказала: «Ничего особенного». Она усадила их за стол и в первые десять минут успела рассказать о ремонте в подъезде, новой кассирше в магазине и женщине, которая перепутала

автобусы, но благодаря этому встретила школьную подругу.

Дмитрий ел и слушал.

Дмитрий задавал короткий вопрос, и рассказ тут же обрастал новыми подробностями. Он не пытался вернуть разговор к теме и не давал понять, что подробностей слишком много. Мама Ксюши говорила так, как другие люди раскладывают на стол семейные фотографии: не отделяя главное от мелочей, потому что для неё всё принадлежало одной жизни.

Ксюша знала, что к концу визита Дмитрий устанет. Он не любил долго находиться внутри непрерывного потока чужой речи. Однако ни разу не показал этого матери. Благодаря этой женщине Ксюша появилась на свет. Одного этого было достаточно, чтобы Дмитрий всегда относился к ней с уважением.

— Я вас совсем заговорила, — наконец сказала мама.

— Мы для этого и приехали, — ответил Дмитрий.

— Вот видишь, — сказала она дочери. — А ты всё время меня торопишь.

— Я тебя не тороплю. Я иногда напоминаю дышать.

После обеда мама принесла из комнаты картонную коробку. На крышке выцвела надпись, сделанная синим фломастером: «Фото. Не выбрасывать».

— Вот, — сказала она. — Нашла на верхней полке. Я одна это разбирать не буду.

Ксюша сняла крышку. Внутри лежали конверты из фотолабораторий, несколько альбомов, школьные грамоты, от-

крытки и маленький пакет с плёнками.

— Здесь всё подряд.

— Я поэтому и не стала трогать. Вдруг испорчу порядок.

— Какой порядок?

— Мой.

Дмитрий взял один конверт и посмотрел на дату.

— Плёнки лучше оцифровать отдельно. Фотографии можно отсканировать дома.

— У вас есть чем?

— Есть.

— Тогда заберите коробку.

Ксюша сразу закрыла крышку.

— Нет. Сегодня мы её не повезём.

Мама обиделась не всерьёз, но заметно.

— Почему?

— Потому что это не пакет фотографий. Здесь несколько месяцев работы.

— Я не говорю за один вечер.

— Ты скажешь завтра: «Ну что там?»

— Не скажу.

Ксюша посмотрела на неё.

— Хорошо, скажу через неделю.

Дмитрий провёл ладонью по краю коробки.

— Давайте сначала выберем один альбом. Посмотрим, сколько времени занимает обработка. Потом решим, как забрать остальное.

— Вот. Дима умеет договариваться.

— Дима сейчас предложил то же, что и я, только спокойнее.

— Значит, учись.

Ксюша открыла рот, но Дмитрий уже доставал верхний альбом.

— Этот?

Мама села рядом.

— Нет, этот нельзя первым. Здесь Ксюша маленькая, но фотографии плохие. Возьмите зелёный. Хотя подождите, в зелёном половина подписей перепутана…

Следующие сорок минут они выбирали один альбом. За каждой фотографией обнаруживался человек, история или уточнение, без которого мама отказывалась отдавать снимок в неизвестность. Дмитрий завёл заметку в телефоне и записывал имена с датами. Ксюша сначала смеялась, потом тоже включилась: некоторые места она помнила, других никогда не видела.

На снимке у реки мама была моложе нынешней Ксюши. Она стояла босиком на мокром песке и держала за руку девочку лет пяти.

— Это не я, — сказала Ксюша.

— Конечно не ты. Это Лена.

— Какая Лена?

Ответ занял ещё десять минут.

Когда они собрались домой, зелёный альбом лежал в от-

дельном пакете. На внутренней стороне обложки Ксюша приклеила лист с подписью: «Вернуть. Не разбирать без мамы».

— В следующее воскресенье привезёте? — спросила мама.

Ксюша посмотрела на Дмитрия. Он не ответил за двоих.

— Сначала проверим, сколько успеем, — сказала она. — Потом назначим день.

— Только не затягивайте.

— Мам.

— Всё, молчу.

Она продолжала говорить до самой двери.

На улице Ксюша взяла Дмитрия под руку.

— Устал?

— Немного.

— Почему ты ей не говоришь, что информации слишком много?

— Потому что это твоя мама.

— Именно поэтому можешь сказать ей прямо.

— Дело не в том, поймёт ли она. Я не хочу её перевоспитывать.

— А мне можешь сказать?

— Тебе могу. Мне было тяжеловато.

Ксюша прижалась к его плечу на несколько шагов, потом отпустила.

— Спасибо, что поехал.

— Это было наше решение.

— Всё равно спасибо.

Вечером они поставили альбом возле сканера. Не открывали и не превращали остаток воскресенья в ещё одну работу. В календаре не появилось отметки «семейный архив выполнен». Появилась только новая строка на следующей неделе: «Оценить один альбом».

Один общий день породил обязанность, которой утром ещё не существовало. Но обязанность вошла в их жизнь не ценой времени, отнятого без спроса. Они сами открыли для неё место.

На следующий вечер они всё-таки открыли зелёный альбом.

В нём оказалось сто восемьдесят четыре фотографии. Часть держалась на старых уголках, часть была приклеена намертво. Под снимками встречались подписи без года, даты без имён и имена, которые Ксюша видела впервые.

Дмитрий осмотрел крепления.

— Из альбома ничего не вынимаем, пока не поймём, как держится бумага.

— Сканировать можно разворотами?

— Можно. Потом отдельно обработать каждую фотографию.

— Сколько времени?

— На этот альбом — несколько вечеров. Если делать аккуратно.

Ксюша позвонила матери и включила громкую связь.

— Мам, здесь почти двести снимков.

— Я говорила, что альбом большой.

— Ты сказала: «Возьмите один».

— Он один.

— Мы сначала сделаем пробные десять фотографий. Потом решим, как работать дальше.

— А когда его нужно вернуть?

Ксюша посмотрела на Дмитрия. Он покачал головой, предлагая ей не называть срок до оценки.

— После пробных скажем.

— Мне просто нужно знать.

— Нам тоже.

Мать хотела продолжить, но остановилась.

— Хорошо. Только не потеряйте листок между страницами.

Они нашли три листка.

После звонка Дмитрий создал папки для исходных сканов, рабочих копий и подписей. Ксюша завела таблицу: номер страницы, имя, место, дата, вопросы. За первый час они обработали восемь снимков и поняли, что главной работой станет не сканирование, а восстановление контекста.

На фотографии с летним столом мать Ксюши была молодой. Рядом стояли люди, которых Ксюша не узнавала.

— Придётся приглашать маму сюда, — сказала она.

— Или записывать каждый вопрос.

— Она ответит голосовыми по двадцать минут.

— Тогда лучше сюда.

Так семейный архив получил не только место в календаре, но и будущий вход в их дом. Не для неопределённого круга родственников и знакомых — для матери, без которой фотографии оставались набором лиц.

В десять вечера они закрыли альбом. В таблице было восемь заполненных строк и двенадцать вопросов. Дмитрий сделал резервную копию, Ксюша написала матери, что проба завершена.

Ответ пришёл сразу:

«Я же говорила, что там много интересного».

Следом появилось первое уточнение к третьей фотографии.

Глава 6. День без результата

Через две недели их свободное воскресенье снова оказалось занято ещё до завтрака.

На этот раз никто посторонний не претендовал на него. Дмитрий составил список сам.

Проверить две версии мастера. Разобрать папку с черновиками. Подготовить вопросы к следующей студийной смене. Просмотреть сканы зелёного альбома. Ответить на три письма, которые могли подождать до понедельника, но лучше бы не ждали.

Ксюша пришла на кухню со своим списком в телефоне. Ей нужно было выбрать одежду для выступления, выучить две короткие подводки, разобрать фотографии после сканирования и посмотреть запись чужого камерного вечера, которую прислал организатор.

Они сели друг напротив друга и почти одновременно положили списки на стол.

— У нас выходной, — сказала Ксюша.

— Именно поэтому всё поместилось.

— В будни тоже помещается. Только за пределами суток.

Дмитрий развернул к ней блокнот.

— Что здесь лишнее?

— Вопрос неправильный.

— А какой правильный?

— Что из этого ты обещал другим людям?

Он просмотрел пункты.

— Мастер нужно проверить до понедельника, десяти утра. Письма — одно до обеда. Остальное никому не обещал.

— Мастер займёт сколько?

— Час. Если различия понятны — меньше.

— Проверь сейчас. Письмо отправь. Потом закрой список.

— А твой?

Ксюша открыла заметку.

— Подводки нужны к пятнице. Запись — просто рекомендация. Фотографии ждут мама и здравый смысл, но точного срока мы не давали. Одежду можно выбрать вечером за полчаса.

— За полчаса?

— Не начинай.

— Я ничего не сказал.

— Ты посмотрел.

— Имею право смотреть в собственном доме.

Ксюша убрала телефон.

— Подводки прочитаю один раз. Остальное оставлю.

Они не отменяли обязательства перед людьми ради красивой идеи о спонтанности. Дмитрий прослушал два мастера, выбрал один и отправил замечания. Ксюша проверила имена в подводках, исправила ударение в фамилии и записала себе вопрос организатору. В половине одиннадцатого необ-

ходимые дела закончились.

Остались все остальные.

— Что теперь? — спросил Дмитрий.

— Ничего из списка.

— Это не ответ.

— Пока другого нет.

Он закрыл блокнот, но ручку положил сверху, словно план мог потребоваться в любую минуту.

Завтрак растянулся. Они обсуждали не работу и не отношения, а человека из дома напротив, который каждое утро выходил на балкон ровно в одно время и долго рассматривал двор в театральный бинокль.

— Может, птиц смотрит, — сказала Ксюша.

— Во дворе три голубя.

— Может, у него к каждому личное отношение.

— Тогда он знает о постоянстве больше нас.

— Почему?

— Потому что приходит ежедневно, а голуби — нет.

Ксюша рассмеялась. Разговор ушёл к городским привычкам, которые двое замечают изо дня в день и никогда не обсуждают. К тому времени, когда посуду убрали, было почти двенадцать.

— Пойдём? — спросила она.

— Куда?

— Вниз.

— Очень содержательный маршрут.

— Для начала достаточно.

Они вышли без чехлов с аппаратурой, без пакета с семейным альбомом и без цели, которую пришлось бы выполнить. У подъезда Ксюша предложила идти до первой остановки и сесть в транспорт, который придёт раньше.

Первым оказался старый трамвай.

— Куда он идёт? — спросил Дмитрий.

— Сейчас узнаем.

— Можно посмотреть схему.

— Можно.

Она не стала.

Трамвай прошёл знакомый центр и повернул в район, где они бывали редко. За окном тянулись кирпичные корпуса бывших мастерских, небольшие дворы и длинная ограда железной дороги. В вагоне постепенно стало пусто. На конечной вместе с ними вышли пожилая женщина с тележкой и молодой мужчина, державший в руках разобранную настольную лампу.

— Теперь куда? — спросил Дмитрий.

— Здесь должен быть старый парк.

— Значит, план всё-таки был.

— Воспоминание. Я не уверена, что парк сохранился.

Он сохранился, хотя стал меньше. Часть территории заняла новая дорога, на месте летней сцены стоял спортивный павильон. В глубине остались липовая аллея, шахматные столы и круглая площадка с неработающим фонтаном.

Они прошли до конца аллеи. Ксюша узнала только один поворот.

— Я приезжала сюда с мамой, — сказала она. — Мне казалось, парк огромный.

— Ты была ниже.

— Очень смешно.

— Геометрически верно.

Возле фонтана продавали выпечку и горячий морс. Они взяли по стакану и сели за шахматный стол. На поверхности ещё виднелись выцарапанные инициалы.

Дмитрий провёл пальцем по клеткам.

— Здесь можно было бы снять короткий фрагмент.

— Нет.

— Я только сказал.

— Ты уже мысленно поставил камеру.

— Одну.

— Сегодня парк не работает на нас.

Он убрал телефон, который ещё не успел достать.

— Хорошо.

Несколько минут спустя Ксюша всё-таки сфотографировала пустой фонтан.

— А тебе можно?

— Это себе.

— Удобная система.

— Можешь тоже снять себе.

Дмитрий не стал. Он смотрел, как ветер гонит по сухой

чаше несколько бумажных листков. В обычный день такой кадр почти сразу потребовал бы продолжения: ритма, текста, заметки, хотя бы названия. Сегодня Дмитрий позволил ему закончиться внутри взгляда.

Телефон завибрировал.

Звукорежиссёр написал, что после трёх будет в студии один. Если Дмитрий пришлёт материал сейчас, они смогут быстро проверить его на новом оборудовании и не ждать до вторника.

Возможность была полезной. Срочности не было.

— Рабочее? — спросила Ксюша.

— Да.

— Нужно ответить?

— Нужно.

Он набрал: «Спасибо. Сегодня материал не пришлю. Оставляем вторник».

— Даже не спросишь, сколько это займёт? — сказала Ксюша.

— Если спрошу, начну считать, можно ли успеть.

— А можно?

— Наверняка.

— Тогда почему нет?

Дмитрий убрал телефон.

— Потому что мы уже выбрали этот день.

— Выбор можно менять.

— Можно. Я не хочу.

Ксюша приняла ответ без благодарности. Он не делал ей подарок и ничего не приносил в жертву. Просто отказывался обменять уже проживаемое время на более удобный рабочий график.

Обратно они пошли пешком. Через несколько кварталов нашли книжный магазин, устроенный в помещении бывшей аптеки. Дмитрий выбрал исследование по истории письма, Ксюша — сборник эссе о сценической речи. У кассы выяснилось, что в магазине есть маленький читальный зал.

Они провели там больше часа.

Каждый читал своё. Иногда Ксюша отмечала карандашом абзац и поворачивала книгу к Дмитрию. Он пробегал текст глазами, кивал или тихо возражал. Потом снова возвращался к своей странице. Время вместе не требовало непрерывного обмена. Достаточно было знать: второй человек находится в нескольких шагах и его внимание принадлежит не только тебе, но не исключает тебя.

Домой они приехали после шести.

Ксюша открыла шкаф и посмотрела на варианты одежды для выступления.

— Полчаса, — напомнил Дмитрий.

— Уже не хочу.

— Тогда завтра?

— Завтра будет плотнее.

— Будет.

— Ты ведь тоже мог сегодня разобрать вопросы к студии.

— Мог.

Они стояли перед ценой собственного выбора. Она не была драматической: никто не потерял контракт, не подвёл команду и не нарушил обещание. Просто несколько дел переместились на следующий день и сделали его теснее.

— Не будем потом обвинять воскресенье, — сказала Ксюша.

— Или друг друга.

— Особенно друг друга.

Одежду она всё-таки не выбрала. Дмитрий не открыл папку с черновиками. Они приготовили ужин, каждый рассказал несколько страниц из купленной книги, а после десяти проверили календарь на понедельник.

Утро потребовало точности.

Дмитрий встал раньше, чтобы до десяти подготовить вопросы к студии. Ксюша выбирала комплект для выступления между двумя рабочими звонками. В одиннадцать мама спросила, готовы ли сканы. Ксюша ответила, что первую часть пришлёт к среде — и сразу внесла срок в календарь.

В половине первого Дмитрий обнаружил, что один из отложенных черновиков нужен для дневного разговора.

— Я мог разобрать вчера, — сказал он, просматривая папку.

Ксюша застёгивала серьгу перед зеркалом в прихожей.

— Мог.

— И сейчас было бы проще.

— Было бы.

Она не сказала, что он сам выбрал остаться. Дмитрий не напомнил, что идея уехать без маршрута принадлежала ей. Они знали происхождение этой спешки и не использовали его как счёт.

— Тебе помочь с файлами? — спросила Ксюша.

— Нет, успеваю. А тебе?

— Тоже.

В час начался рабочий разговор. На третьей минуте звукорежиссёр попросил открыть черновик с пометками по второй части аранжировки.

Дмитрий нашёл папку, но нужный файл оказался назван датой без пояснения. Внутри лежали три почти одинаковые версии.

— Мне понадобится десять минут, — сказал он.

— Мы договаривались пройти это сейчас, — ответили из студии.

— Договаривались. Я не подготовил файл. Через десять минут пришлю точный и перезвоню.

Он не сослался на выходной, поездку или необходимость иногда отдыхать. Другой человек не участвовал в их воскресном решении и не должен был оплачивать его ожиданием.

Дмитрий завершил звонок, последовательно открыл версии, сверил даты изменений и нашёл нужную. Потребовалось четырнадцать минут. В повторный разговор он вошёл с

готовым ответом и начал с извинения за задержку.

Ксюша слышала только часть разговора. В это время она сравнивала два сценических комплекта. Один требовал обуви, которую ещё предстояло найти; второй был полностью собран из вещей, уже находившихся дома.

Доставка подходящей пары к репетиции не успевала.

— Возьму второй, — сказала она после звонка.

— Из-за срока?

— Из-за него тоже.

— Можно вечером проехать по магазинам.

— Можно. Но тогда мы заплатим за вчерашнее время ещё одним вечером.

— Тебе нравится второй?

— Нравится. Первый был бы точнее.

Она не стала притворяться, что разницы нет. Выбор воскресенья сузил понедельник, и это выразилось в конкретной детали. Не катастрофа, но цена.

День прошёл плотнее, чем мог бы. К вечеру все обязательные задачи были закрыты, необязательные снова остались в списках.

Во вторник в студии Дмитрию хватило времени проверить материал, но не осталось времени прогнать готовую запись через новое оборудование, которое показывало, как она будет звучать на разных устройствах. Звукорежиссёр предложил перенести проверку на следующую смену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.